
Шарлотта Эйзинберг
Виноградная лоза
для леди попаданки

Шарлотта Эйзинберг

Виноградная лоза для леди попаданки

https://litres.ru/74747808
SelfPub; 2026

Аннотация

Я была лучшим технологом XXI века, а очнулась в теле разоренной аристократки XVIII-го. У меня есть три месяца, чтобы спасти поместье от жадного ростовщика. Вокруг — разруха, невежество и сплетни. Единственный, кто может помочь — сосед-герцог, но он ненавидит мой род. Все видят во мне слабую жертву. Но они не знают главного: в теле нежной барышни теперь живет акула бизнеса с дипломом химика. Мои знания из будущего станут моим оружием, а мой вкус — моим спасением. Я докажу этому миру, что истина — не только в солнечной лозе, но и в умении с ней обращаться. Даже если для этого придется заключить сделку с дьяволом... или влюбиться в него.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	74
Глава 14	80
Г	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Виноградная лоза для леди попаданки

Глава 1

Солнце Прованса в это время года — словно расплавленное золото, тягучее и ослепительное. Оно заливало холмы, раскрашивая виноградники в бесконечные оттенки изумруда, и врывалось в открытое окно такси вместе с запахом сухой лаванды и нагретой земли.

Я прислонилась лбом к прохладному стеклу, вдыхая этот густой, «вкусный» воздух. Казалось бы — отпуск, мечта любого сомелье. Неделя в туре по лучшим шато Юга Франции. Но внутри у меня, вместо заслуженного восторга, копошилась холодная, липкая горечь. Как испорченный тираж вина, который уже не спасти оклейкой.

«Твое здоровье, дорогая», — эхом прозвучал в голове голос моего мужа, Макса.

Перед глазами снова встало лицо бывшего мужа в тот день, когда я увидела на полке элитного бутика его новую линейку. Вино, над рецептурой которого я билась три года, задерживаясь в лаборатории винзавода до полуночи. Мой авторский купаж, мой идеальный баланс кислотности и танинов, рожденный из сотен литров испорченного материала и моих бессонных ночей. Он просто украл мою идею, пока я была ослеплена доверием.

— В семье всё лучшее мужу, Лена, — бросил он мне тогда, уходя. — Зачем тебе признание и слава? Ты просто тех-

нолог, наёмный рабочий, не более.

Я сжала пальцы так, что ногти впились в ладони. Всю жизнь я грезила не о кресле в лаборатории, а о собственных лозах. Представляла, как буду сама выбирать время сбора, как буду чувствовать сахаристость ягоды кожей, как в моих погребах будет рождаться истина, а не коммерческий продукт для супермаркетов.

— Мадам, мы приехали. Старые погреба аббатства Сен-Виктор, — голос водителя вырвал меня из тяжелых мыслей. — Экскурсия начнется через пять минут. Будьте осторожны, своды там очень древние.

Я кивнула, натягивая дежурную улыбку.

Внутри погребов царил благодатный холод и запах, который я узнаю из тысячи: смесь сырого камня, старого дуба и благородной плесени. Настоящий рай для технолога. Группа туристов ушла вперед, а я задержалась у огромной, покрытой вековой пылью бочки в самом дальнем углу.

Вдруг пол под ногами мелко задрожал. Сначала я подумала — землетрясение, но звук пришел сверху. Тяжелый, утробный гул.

— Эй! Выходите скорее! — крикнул кто-то вдали, но голос утонул в грохоте.

Потолок, сложенный из тяжелых каменных блоков, вдруг начал оседать. Прямо над моей головой расширилась трещина, похожая на молнию. Последнее, что я помню — это ослепительная вспышка боли и резкий, пронзительный за-

пах скисшего вина. Уксус. Ужасный, дешевый уксус…

— Вставай, дрянная девчонка! Вставай, не смей разыгрывать обморок!

Резкий окрик хлестнул по ушам, как пощечина. Я попыталась вздохнуть, но легкие словно забило пылью. В голове колотило так, будто по ней били медным прессом.

Я открыла глаза и тут же зажмурилась. Вместо сводов французского погреба — яркое, агрессивное солнце. Вместо удобных кроссовок — тяжелые, грязные туфли с тупыми носами.

— Очнись, Изабелла! Ты не выплатишь мне долги, просто валяясь в пыли! — передо мной стоял мужчина. Жирный, в нелепом камзоле с засаленным воротником, он брызгал слюной, тряся какой-то бумагой. — Посмотри на свои виноградники! Это же позорище! Даже свиньи воротят нос от твоего пойла.

Я медленно села, опираясь руками о землю. Земля была сухой, каменистой… хорошая земля для винограда, мелькнуло в голове. Стоп. Какая Изабелла? Какой долг?

Я посмотрела на свои руки. Тонкие, бледные, с мозолями от поводьев, а не от лабораторных колб. На мне было странное платье из грубой ткани, с корсетом, который безжалостно сдавливал ребра.

— Где я? — мой голос прозвучал хрипло и незнакомо.

Мужчина расхохотался, и от него пахнуло перегаром и дешевым табаком.

— В своем разоренном гнезде, дорогуша! Поместье «Солнечный склон». Хотя я бы назвал его «Уксусная яма». Три месяца, Изабелла де Валуа. Ровно через три месяца, если ты не принесешь мне пятьсот золотых ливров, поместье отойдет мне за долги твоего покойного папаши. А ты… ну, я найду тебе применение на кухне в моем городском доме. Или в прачечной.

Он развернулся, тяжело переваливаясь с боку на бок, и направился к карете, запряженной парой лошадей. Настоящих лошадей!

Я поднялась, пошатываясь. Голова кружилась. Я обернулась и замерла. Позади меня стоял небольшой каменный дом с облупившейся штукатуркой и покосившейся крышей. А за ним, на склонах холма, раскинулись они. Виноградники.

Но боже мой, в каком состоянии! Лозы были похожи на узников концлагеря: нестриженые, заросшие диким вьюнком, с пожелтевшими, скрученными листьями. — Оидиум… — прошептала я, подходя к ближайшему кусту и касаясь белесого налета на листе. — Запущенная стадия грибка.

Я огляделась. Воздух здесь был чистым, без примеси бензина или смога. Время… судя по одежде и экипажу — век восемнадцатый, может, начало девятнадцатого. Магии я пока не видела, но что-то внутри подсказывало — я здесь всерьез и надолго.

Из дома выбежала пожилая женщина в чепце, прижимая руки к груди.

— Ох, госпожа Изабелла! Этот ирод Грюм опять вас довел? Не слушайте его, пойдемте в дом, я нацедила немного молока… оно чуть подкисло, но другого нет.

Я посмотрела на неё, потом на умирающие лозы, потом на свои новые руки.

«Ну что, Макс, — подумала я с внезапной, колючей яростью. — Технолог — это просто наемный рабочий? Посмотрим, что сможет технолог из будущего в мире, где даже не знают, как мыть бочки».

— Погоди с молоком, — я твердо посмотрела на женщину. — Как тебя зовут?

— Так Марта я, госпожа… Совсем память отшибло?

— Марта, веди меня в погреб. Мне нужно понять, сколько уксуса у нас осталось. Мы будем делать из него капитал.

Глава 2

Я сделала шаг к дому, но мир перед глазами опасно качнулся. Это было, кстати. Я схватилась за висок и нарочито громко охнула, оседая на руки подоспевшей Марте.

— Осторожнее, голубушка! — запричитала она, поддерживая меня. — Говорила я, не стойте на солнцепеке!

— Марта… — я посмотрела на неё расфокусированным взглядом. — У меня в голове… туман. Я помню свое имя, помню Грюма, но… всё остальное расплывается. Я не помню, где что лежит. Не помню лиц. Словно часть жизни стерли ластиком.

Марта испуганно округлила глаза:

— Ох, святые угодники! Память отшибло! Это все нервы да жара. Ничего, госпожа Изабелла, это пройдет. Доктор Легран говорил, такое бывает от потрясений. Я вам все напомню, все расскажу, вы только не волнуйтесь.

— Да… напомни, — я кивнула, выпрямляясь.

Легенда создана, теперь я могу задавать любые, даже самые глупые вопросы не вызывая подозрения.

— Скажи мне, Марта, кто занимался виноградниками после… после того, как дела пошли плохо? Неужели я сама?

— Вы? Скажете тоже! — фыркнула она. — Ручки-то белые марать. Жак там заправляет. Ну, как заправляет… После того как старый мэтр Николя сбежал от безденежья, ба-

тюшка ваш поставил Жака.

— Жака? — переспросила я.

— Ну да, Жака-конюха. Он парень крепкий, исполнительный. Батюшка сказал: «Вино топтать — ума не надо, силы нужны». Вот Жак и старается уже второй год.

У меня похолодело внутри. Конюх. Моим главным технологом работает конюх! Это объясняло многое, если не всё.

— Зови его, — скомандовала я. — Прямо сейчас.

— Сейчас? Но вы же едва на ногах…

— Марта! — мой голос хлестнул, как кнут. — Зови Жака.

Через пять минут мы стояли у тяжелых дверей подвала. Рядом переминался с ноги на ногу здоровенный детина лет двадцати пяти. Вид у него был виноватый, а от одежды разило странной смесью прокисшего вина и лошадиного пота. Руки у него были лопатами — идеальными для уборки навоза, но не для тонкой работы с суслом.

— Звали, госпожа? — пробасил он, теребя грязный фартук.

— Открывай, Жак, — кивнула я на двери.

Двери поддались с протяжным, ржавым стоном. Мы шагнули в темноту. С каждым метром вниз запах становился гуще. Для обычного человека это была просто вонь. Для меня — список улик преступления.

Уксус. Бреттаномицес (запах мокрой псины). Сероводород.

— Свети, — приказала я Жаку, который зажег факел.

Свет выхватил ряды пыльных бочек. Я подошла к ближайшей. Паутина, плесень на втулке. — Жак, — ласково спросила я, проводя пальцем по липкому дереву. — Скажи мне, когда ты мыл эти бочки в последний раз?

Детина почесал затылок:

— Дык… это. Батюшка ваш запрещали. Говорили: «Не смывай старый дух, в нем вся сила!». Я и не трогал. Только доливал, как велено.

— «Старый дух», — эхом повторила я, чувствуя, как дергается глаз. — Это не дух, Жак. Это бактериальная инфекция.

Я резко повернула кран. В ладонь плеснула мутная бурая жижа. Я лизнула каплю, игнорируя испуганный вздох Марты. Уксус. Но с фруктовым послевкусием. Исходный материал был хорош, но исполнение…

— А почему вино пахнет тухлыми яйцами, Жак? — спросила я, вытирая руку.

— Так я это… меда добавил, — радостно сообщил «винодел». — Оно киснуть начало еще по весне, ну я и бухнул туда меду, чтоб слаще было. А оно зашипело и завоняло. Я думал, это оно играет так.

Я закрыла глаза и досчитала до трех. Конюх добавил сахар (мед) в уже больное вино, вызвав вторичное брожение на диких дрожжах в грязной посуде. Классика катастрофы.

— Значит так, — я открыла глаза. — Жак, ты сильный парень?

— Ну… могу теленка поднять, — растерялся он.

— Отлично. Твоя сила нам понадобится. Потому что с завтрашнего дня ты забудешь всё, чему тебя учил мой отец. Ты будешь делать ровно то, что я скажу. Шаг влево, шаг вправо — выгоню. Понял?

— Понял, госпожа… А что делать-то? Лошадей запрягать?

— Нет. Вычищать это авгиево дерьмо, — Я повернулась к Марте. — Марта, у нас есть медный котел? Большой, закрытый?

— Котел? — служанка перекрестилась. — В прачечной был старый бак. Госпожа, вы пугаете.

— Не для стирки. Закрытый. С трубкой. Что-то, похожее на алхимический куб?

Марта испуганно перекрестилась.

— Господь с вами, госпожа! Какая алхимия? Батюшка ваш только карты любил, в магию не лез.

«Значит, дистиллятора нет», — подытожила я. — «Придется искать кузнеца. Уксус перегнать нельзя, но если в дальних бочках процесс скисания только начался… Если там остался спирт… Я могу сделать бренди. Или хотя бы виноградный спирт для крепления. Это валюта. Спирт не портится».

— Идем наверх, — бросила я. — Здесь дышать нечем.

Мы вышли во двор, залитый предзакатным солнцем. После подвальной сырости жара ударила в голову. Живот пре-

дательски заурчал. Тело Изабеллы было молодым, но истощенным. Ей нужно было топливо.

— Что у нас с едой? — спросила я, оглядывая свои владения.

Покосившийся забор, куры, лениво копошащиеся в пыли, и тощий сарай, откуда доносилось мычание.

— Да вот… хлеб есть, вчерашний. И молоко, — Марта виновато развела руками. — Только оно опять того… скисло. Жара ведь. Коровы доятся исправно, а хранить негде. Ледник растаял еще весной. Свиньям отдаем.

Я замерла.

— Свиньям? Вы отдаете молоко свиньям?

— Так пропадает же! — чуть не плача оправдывалась старушка. — Творог делаем, но он горький выходит, никто не покупает.

Я быстрым шагом направилась к сараю. Внутри пахло навозом и теплым, парным молоком. В ведрах стояла белая жидкость, уже начавшая расслаиваться. Я сунула палец в ведро, попробовала. Жирное. Плотное. Сладковатое, с легкой кислинкой. Такое молоко в моем мире продавали в фермерских лавках по цене крыла самолета.

— Марта, — я обернулась к ней. — А сычуг у нас есть?

— Чего?

— Желудок телячий. Сушеный. Или рассол с него?

— А, закваска? — просветлела она. — Есть, конечно. Мельник телёнка резал на прошлой неделе, я выпросила ку-

сок, засолила. Только зачем вам?

В моей голове начал складываться пазл. Вино — это долгие деньги. Виноград нужно вылечить (я вспомнила белый налет на листьях — оидиум, нужна сера!), собрать, дать перебродить, выдержать. Это минимум полгода до первых продаж. А Грюм придет через три месяца.

Мне нужны «быстрые деньги». Оборотный капитал. Прямо сейчас.

— Слушай меня внимательно, — я схватила Марту за плечи. — С этого дня мы не выливаем ни капли молока. И свиньи переходят на диету из помоев.

— А что же мы будем делать, госпожа?

— Мы будем делать деньги, Марта. Мы будем варить сыр. Не тот кислый творог, который вы привыкли есть. Мы сделаем моцареллу.

Служанка смотрела на меня как на умалишенную. Слово «моцарелла» явно звучало для нее как заклинание вызова демона.

— Завтра с утра, — продолжила я, чувствуя прилив энергии, которого не ощущала уже полгода, с того самого дня предательства Макса. — Ты найдешь мне серу. Желтый порошок, которым окуривают бочки. Если нет у нас — купи в деревне. Продай мои платья, украшения, что угодно, но достань серу.

— Платья?.. — ахнула она.

— Да, у меня же должно быть много платьев. Второе: мне

нужна зола и много кипятка. Мы вымоем погреб так, чтобы там можно было оперировать.

— Кого… оперировать?

— Неважно. Просто вымоем. И третье. — Я посмотрела на свои тонкие, аристократические пальцы, на которых уже виднелась грязь. — Узнай, кто здесь поблизости самый богатый и самый привередливый землевладелец. Тот, у кого есть деньги, но нет хорошего вина.

— Так это… герцог Себастьян, — пробормотала Марта. — Сосед наш, за холмом. Только он нелюдим, госпожа. Говорят, проклят он. И отца вашего покойного терпеть не мог. Даже собак спускал, когда батюшка к нему за деньгами ездил.

— Отлично, — я хищно улыбнулась. — Значит, у него есть деньги и характер. Идеальный клиент.

Я развернулась и пошла в дом. Голова кружилась, но теперь не от страха, а от азарта. Макс сказал, что я всего лишь технолог? Наемный рабочий? Ну что ж. Технолог Елена умерла под завалами французского шато. Здесь есть только Изабелла. И она собирается сделать из этого уксусного болота золотую жилу. Даже если для этого придется продать кружева и своими руками вычищать плесень из бочек.

— Марта! — крикнула я уже с порога. — И найди мне штаны! В этом корсете я не могу нормально дышать, а мне завтра нужен весь объем легких!

Глава 3

Дом встретил меня тишиной, какая бывает только в музеях или склепах. Огромный холл, когда-то, видимо, величественный, сейчас напоминал декорацию к фильму о призраках. Сквозь высокие стрельчатые окна падали косые лучи заходящего солнца, в которых лениво плавали мириады пылинок.

Под ногами скрипел паркет — старый, рассохшийся, местами потемневший от сырости. На стенах висели гобелены, но краски на них так выцвели, что сцены королевской охоты превратились в серо-бурые пятна.

— А ну, не стойте истуканами! — шикнула Марта куда-то в темноту коридора. — Госпожа вернулась!

Из сумрака, шаркая ногами, выплыли две фигуры. Первым показался старик, согнутый почти пополам, с лицом, похожим на печеное яблоко. В руках он сжимал грязную садовую лопатку, словно оружие.

— Это Пьер, наш садовник, — представила Марта, повысив голос. — Глуховат он, госпожа. Зато розы его любят. Ну, те, что козы не сожрали.

Следом вышла полная женщина в переднике, густо присыпанном мукой. Она вытирала красные руки о тряпку и смотрела на меня с опаской. — А это Агата, кухарка наша. Готовит она… сытно. Когда продукты есть.

— Доброго здоровья, мадемуазель Изабелла, — прошамкал Пьер. — А я думал, Грюм вас того… в долговую яму уволок.

— Типун тебе на язык, старый пень! — замахнулась на него Агата, но в ее глазах я увидела то же самое — страх и жалость.

Они смотрели на меня как на обреченную. Как на фарфоровую куклу, которая вот-вот разобьется.

— Я никуда не ухожу, — твердо сказала я, оглядывая их. — И дом этот мы никому не отдадим. Агата, нагрей воды. Много воды. Я хочу смыть с себя эту грязь. И приготовь ужин из того, что есть. Хоть луковую похлебку. Мне нужны силы.

Слуги переглянулись. Видимо, прежняя Изабелла просила не «силы», а нюхательную соль.

Пока Агата гремела ведрами, Марта повела меня на второй этаж. Мы прошли мимо широкой лестницы, украшенной резными перилами, в портретную галерею. Я остановилась напротив большого холста в тяжелой золоченой раме. Золото местами облупилось, обнажая гипс, но портрет сохранился неплохо.

На меня смотрел мужчина лет сорока. Красивый, породистый, с тонкими усиками и беспечной улыбкой человека, который никогда в жизни не держал в руках ничего тяжелее бокала или карт.

— Батюшка ваш, граф Анри де Валуа, — вздохнула Мар-

та, крестясь. — Царствие ему небесное, хоть и грешник был великий.

— Как он умер? — спросила я, вглядываясь в нарисованные глаза. В них не было жесткости, только какая-то детская безответственность. — Марта, я помню только, что его не стало внезапно.

— Да как… За столом и умер. В игорном доме в Авиньоне, — Марта понизила голос, словно боялась, что граф услышит. — Говорят, ему карта не шла весь вечер. Он поставил сначала урожай будущего года, потом фамильные драгоценности вашей матушки, а в конце — закладную на поместье. И когда вскрыли карты… у него сердце и разорвалось. Грюм тогда сгреб все бумаги со стола, перешагнул через тело и сказал, что теперь долг на вас.

Я стиснула зубы. Типично. Слабый мужчина, который решил свои проблемы самым простым способом — умерев, и свалил все на плечи дочери.

— А семья? Неужели у нас никого нет? — спросила я. — В тумане памяти всплывает имя… Софи? Моя сестра?

— Софи-то? — Марта махнула рукой. — Есть, как не быть. Старшая ваша. Только толку от нее, как от козла молока. Выскочила замуж за торговца сукном в Лионе еще три года назад. Человек он богатый, но прижимистый, каждую монету считает. Когда батюшка умер, Софи прислала письмо — мол, скорблю, молюсь, но денег не дам, у самой муж строгий, лишнего су не выпросишь. Отрезанный ломоть она,

госпожа. Вы тут одна куковали.

— Одна… — повторила я.

— Вы же, голубушка, всегда не от мира сего были, — продолжала причитать Марта, открывая дверь в мою спальню. — Все с этюдником по холмам бегали, цветочки рисовали. Пели так красиво, тоненько, как птичка, аж сердце замирало. А дел хозяйских чурались. Чуть что не так — сразу в слезы или в обморок. Вот и сегодня, когда Грюм приехал, вы как стояли во дворе, так и рухнули навзничь. Я уж думала — всё, преставились. А вы встали… другая какая-то. Глаза колючие, голос стальной.

Она замолчала, словно испугавшись своей откровенности.

— Ванну я велела в комнату поставить, госпожа. Медную. Сейчас воды наносят.

Комната Изабеллы была под стать хозяйке: вся в пастельных тонах, с кружевными занавесками и множеством милых, бесполезных безделушек. На столике у окна лежали засохшие акварели и лютня с порванной струной. Я подошла к высокому напольному зеркалу и впервые толком рассмотрела себя.

Из зазеркалья на меня смотрела незнакомка. Совсем юная, лет двадцати. Слишком худая — ключицы торчат так, что можно изучать анатомию. Кожа бледная, почти прозрачная, без намека на загар. Светлые густые волосы, сейчас растрепанные и присыпанные подвальной пылью, падали на

плечи тяжелыми волнами. Огромные голубые глаза, в которых раньше, наверное, плескалась романтическая меланхолия, теперь смотрели цепко и оценивающе.

— Ну здравствуй, Изабелла, — прошептала я, касаясь своего отражения. — Прости, что выселила тебя. Но с твоим характером ты бы здесь не выжила. А мы выживем.

Дверь скрипнула, и Пьер с Агатой, кряхтя, внесли большую медную ванну. Следом потянулась вереница ведер с горячей водой. Комнату наполнил пар и запах лавандового мыла — грубого, домашнего, но сейчас казавшегося мне ароматом от «Шанель». Когда дверь за слугами закрылась, я сбросила грязное, неудобное платье, с шипением расшнуровала ненавистный корсет, оставив на ребрах красные полосы, и погрузилась в воду.

Горячая вода обняла тело, смывая напряжение дня, запах уксуса и страх. Я закрыла глаза. На секунду мне показалось, что стоит их открыть — и я увижу белый кафель своей квартиры, услышу гул холодильника и шум машин за окном. Что это всё — бред, кома, галлюцинация мозга под завалами шато.

Я резко открыла глаза. Нет. Потрескавшаяся лепнина на потолке. Мерцание свечей в канделябре. Медная ванна, в которой вода быстро остывала — здесь нет бойлера.

Я провела мокрой рукой по краю ванны. Металл был реальным. Боль в мышцах была реальной. И этот старый дом, скрипящий на ветру, как старый корабль, тоже был реаль-

ным.

Я набрала в пригоршню воды и плеснула в лицо. Макс украл мою жизнь. Украл мою работу. Мой купаж. Он думал, что я — ничто без его денег и завода. А судьба, или Бог, дал мне второй шанс. Да, это не современная лаборатория с хроматографами. Это развалина XVIII века. Но это МОЯ развалина. Здесь нет Макса. Нет совета директоров. Нет маркетингового отдела, который требует «послаще и попроще». Здесь есть земля. Есть виноград. И есть я.

Я поднялась из воды, чувствуя, как дрожь от холода сменяется странным жаром внутри.

— Марта! — крикнула я, заворачиваясь в простыню, которая служила полотенцем. — Неси ужин! И найди мне бумагу и перо. Я буду рисовать.

— Цветочки, госпожа? — робко заглянула служанка, приоткрыв дверь.

— Нет, Марта. Я буду рисовать схему нового перегонного куба. И план захвата рынка.

Я подошла к окну. За ним, в темноте, угадывались очертания холмов. Моих виноградников. — Ты станешь великим, «Солнечный склон», — прошептала я в темноту. — Или я не Лена... то есть, не Изабелла де Валуа.

Глава 4

Утро началось с абсурдной комедии. Моим противником были штаны.

— Господи Иисусе, мадемуазель, срамота-то какая! — причитала Марта, закрывая лицо ладонями, но явно подглядывая сквозь растопыренные пальцы. — Если кюре узнает, нас всех предадут анафеме! Женщина в мужском платье!

Я стояла перед зеркалом и скептически разглядывала свое отражение. Жак откопал в своих запасах какие-то старые бриджи, которые были размера на три больше моего. Грубая шерсть топорщилась, пояс пришлось обмотать верёвкой дважды. Я выглядел не как винодел, а как сбежавший каторжник-неудачник.

Я развязала веревку, и штаны с шорохом упали на ноги. Марта облегченно выдохнула.

— Ты права, Марта. Для работы в поле я сошью себе нормальные брюки. Сама. Вечером. А сейчас мне нужно выглядеть прилично, а не как пугало. Неси платье.

— Голубое, с кружевами? — обрадовалась служанка.

— Нет. Самое простое. И убери эти чертовы нижние юбки. Мне нужно платье с самой легкой юбкой, в котором я смогу залезть на телегу и не задохнуться.

Через десять минут я была готова. Темно-синее платье из плотного кроя сидело строго, но достойно. Без корсета ды-

хание было легче, а волосы я заплела в тугую косу, чтобы не лезли в лицо.

Я вышла во двор. Солнце уже пекло немилосердно. Август. Судя по сухой, выжженной траве и стрекоту цикад, сейчас начало августа. Внутри меня включается таймер обратного отсчета. Виноград уже прошел стадию veraison — ягоды начали наливаться цветом. Это значит, что до сбора урожая у меня четыре, максимум пять недель.

Один месяц. За этот месяц мне нужно:

1. Вылечить лозы от оидиума.
2. Отмыть и окурить бочки.
3. Найти оборудование.

— Жак! — крикнул я. — Открывай давильню.

Пристройка за сараем, гордо именуемая «винодельней», встретила нас запахом плесени и мышиного помета. Я медленно шла вдоль стен, касаясь пальцами оборудования. Всё было хуже, чем я думала. Дробилка для винограда — сгнила. Валики, которые должны мять ягоду, рассохлись и потрескались. Чан для брожения — рассохся, щели такие, что палец пролезет. Если залить туда сусло, оно вытечет за час. Но главным разочарованием был пресс.

Он стоял в углу, как скелет доисторического зверя. Дубовая станина перекосилась. Металлический винт — сердце пресса — был покрыт толстым, рыжим слоем ржавчины. Я попыталась провернуть рукоять. Ни на миллиметр.

— Мертв, — констатировала я, отряхивая ржавчину с ла-

доней. — Винт закис намертво. Корзина гнилая.

— Так мы это… ногами давили, госпожа, — подал голос Жак, стоявший у дверей. — В чанах.

— Ногами? — я обернулась. — Жак, ногами ты будешь капусту топтать. Чтобы получить качественное сусло, мне нужен деликатный отжим. Мне нужен «самотек» и чистый сок, а не месиво из грязи и пота. Без пресса мы не справимся с урожаем. Ягоды просто сгниют в кучах.

Я вышла на улицу, щурясь от солнца.

— Значит нам ещё и пресс нужен. И причём срочно. Купить новый мы не можем — у нас ни гроша. Сделать — не успеем. Я повернулась к конюху: Жак, вчера Марта мне сказала, про некого герцога Себастьяна, у которого самое богатое хозяйство в округе. У него есть нормальное, качественное оборудование?

Жак и подошедшая Марта переглянулись.

— У де Монмирая то? У него всё лучшее. И прессы, и подвалы, и кузница своя. Только…

— Что «только»?

— Так он же «Проклятый», — Жак перекрестился. — Зверь, а не человек. К нему на пушечный выстрел не подойдешь.

Я села на скамью у стены дома.

— Рассказывайте. Всё рассказывайте. Прежде чем сунуть голову в пасть льву, я хочу знать, сколько у него зубов. Кто он такой? Почему «Проклятый»? И почему он так ненавидел

моего отца?

Слуги замялись, но мой твердый взгляд заставил Марту развязать язык.

— Герцог Себастьян… Он герой войны, госпожа. Ушел молодым, вернулся года три назад. Говорят, его там чуть на куски не разорвало. Лицо… — она провела рукой по своей щеке. — Изуродовано. Шрам страшный. Он как вернулся, так в замке и заперся. Никого не принимает, на балы не ездит. Нелюдим стал, жесток. Слуги у него по струнке ходят. Чуть что не так — выгоняет без жалования.

— Значит, требует дисциплины, — кивнула я, отмечая это как плюс. — А с отцом что?

— Ох, грех это… — вздохнул Жак. — Батюшка ваш, царствие ему небесное, любил легкие деньги. Как-то раз Герцог решил конюшню обновить. И ваш отец продал ему пару жеребцов. Сказал — арабских кровей, чистейшее золото. А они… ну, крашеные оказались. И старые. Один сдох через неделю, другой хромой оказался.

— Герцог тогда приехал сюда сам, — подхватила Марта шепотом. — Страшный, черный весь. Чуть дверь не выбил. Сказал батюшке: «Еще раз увижу тебя или кого из твоего лживого рода — спущу псов». Долг повесил — две тысячи ливров за обман. Батюшка-то посмеялся, а Герцог с тех пор вас и знать не хочет.

Я потерла виски. Картина складывалась. Мой «отец» был мелким мошенником, который кинул серьезного человека.

Герцог — военный, травмированный, жесткий, ненавидит ложь и халтуру. Это было плохо. Но это давало надежду. Если он ненавидит ложь — значит, оценит правду. Если он ценит порядок — значит, может уважать профессионализм.

— Хорошо, — я встала. — Значит, он не просто самодур, а человек с принципами. С этим можно работать.

— Госпожа, вы же не думаете?.. — ахнула Марта.

— Я не думаю, Марта. Я планирую. Жак, готовь телегу. Мы едем к Герцогу.

Глава 5

Дорога заняла около часа. Трясясь на жесткой скамье телеги, я жадно смотрела по сторонам. Контраст был разительным. Стоило нам пересечь невидимую границу владений герцога, как пейзаж изменился. Вместо моих чахлых, заросших бурьяном полей, здесь тянулись ровные, ухоженные ряды лоз. Да, обрезка была грубоватой, но земля дышала силой. А дальше начинался лес. Дубрава.

— Боже мой, — прошептала я, глядя на мощные стволы. — Это же лимузенский дуб. Живое золото. Из этого леса можно наделать бочек на всю Бургундию.

Мы въехали на обширный хозяйственный двор замка. Жак опасливо жался к козлам, стараясь стать невидимым. Пока он успокаивал лошадь, я огляделась. Двор был вымощен камнем и выметен дочиста. Но мой взгляд, натренированный годами работы на производстве, выхватил одну деталь в дальнем углу, у закопченной стены кузницы.

Там, под худым навесом, была свалена груда хлама. Сломанные колеса, ржавые прутья... и бочки. Десятка два старых дубовых бочек, посеревших от дождей и солнца. Они валялись как мусор, сваленные в кучу. Я прищурилась. Дуб был старым, выдержанным. Именно таким, какой нужен для созревания великих вин. И их просто выбросили, списали со счетов, приготовив на растопку.

— Интересно, — прошептала я, запоминая эту картинку. — Значит, выкидываем? Богатые тоже плачут, но от собственной расточительности.

Нас встретили холодно. Дворецкий — чопорный старик с лицом, похожим на сушеный инжир, — преградил мне путь на широкой каменной лестнице.

— Его Светлость не принимает никого из рода Валуа.

— Передайте Его Светлости, — я выпрямилась, расправляя плечи и стараясь, чтобы мой голос звучал твердо, — что я пришла обсудить старый долг моего отца. Если он не хочет вернуть свои деньги, он может спустить собак. Но тогда он потеряет две тысячи ливров.

Дворецкий смерил меня долгим, оценивающим взглядом, но всё же развернулся и исчез за тяжелыми дубовыми дверями. Вернулся он быстро.

— Следуйте за мной. И ничего не трогайте.

Меня привели в просторный, полутемный зал. Здесь пахло не воском и лавандой, как в обычных домах, а кожей, оружейным маслом и вином. На стенах висело оружие — мушкеты, сабли, охотничьи арбалеты. У камина, опираясь на массивную трость с серебряным набалдашником, стоял он. Герцог Себастьян де Монмирай.

Высокий, мощный, пугающий. Шрам, рассекающий левую половину лица от виска до подбородка, делал его похожим на пирата или воина, сошедшего со страниц жестокого романа.

— Я думал, у рода Валуа осталась хоть капля гордости, чтобы не показываться мне на глаза, — его голос рокотал, как камнепад в горах. — Вы пришли вернуть деньги, которые ваш отец украл у меня, продав больных лошадей?

— Денег у меня нет, Ваша Светлость. Пока нет.

— Тогда убирайтесь. — Он отвернулся к столу и плеснул себе вина из хрустального графина. — Я слышал, Грюм забирает ваше поместье через три месяца. Туда вам и дорога. Я не стану марать руки, вы сами себя уничтожили.

Он поднес кубок к губам. Я уловила резкий, характерный запах даже с пяти шагов.

— Вы выгоняете меня, но сами пьете яд, — громко и отчетливо произнесла я.

Себастьян замер с кубком у рта. Медленно, очень медленно повернулся.

— Что вы сказали?

— Я сказала, что герцог, владеющий лучшими землями в провинции, пьет помои. — Я сделала шаг вперед, глядя ему прямо в глаза. — Оксидация. Пробка. Явный «мышиный тон». Вы плохо моете бочки, Ваша Светлость. Вино умерло еще до того, как попало в этот графин.

— Вы смеете? — его здоровый глаз сузился от гнева.

— Дайте мне попробовать. Или вы боитесь критики от женщины?

Он секунду колебался, а затем с вызовом протянул мне кубок. — Пейте. Если ошиблись — я прикажу слугам выста-

вить вас за ворота.

Я взяла тяжелый кубок. Сделала маленький глоток, прокатала жидкость по языку, втягивая воздух, чтобы раскрыть аромат, и с трудом подавила гримасу. Поставила кубок на стол.

— Плоский, пустой вкус. Танины грубые, вяжут рот, как зеленая хурма. Виноград собрали слишком рано, косточка не вызрела. А потом вино передержали в тепле. Это не благородный напиток, Ваша Светлость. Это компот с градусом, от которого наутро раскалывается голова.

В зале повисла звенящая тишина. Герцог смотрел на меня с удивлением, смешанным с яростью.

— Откуда дочь мошенника и картежника знает такие тонкости?

— Жизнь научила, — уклончиво ответила я. — Ваша Светлость, у вас есть ресурсы, земля, лес, но нет технолога. У меня есть знания, но нет оборудования. Я видела у вас во дворе, у кузницы, гору старых бочек. Вы, очевидно, собираетесь пустить их на дрова?

— Это мусор. Рассохшийся хлам, — бросил он пренебрежительно.

— Для вас — мусор. Для меня — спасение. Я предлагаю сделку.

— Сделку? С Валуа? У вас нет ничего, что могло бы меня заинтересовать. Ни денег, ни чести.

— Пари, — поправила я. — Вы отдаете мне этот «мусор»

— старые бочки. И разрешаете воспользоваться вашим прессом и помощью кузнеца в течение двух дней.

— А взамен?

— Взамен я сделаю вино. Из вашего же винограда. Я возьму часть урожая и переработаю его по своей технологии.

— И что мне с того? — он презрительно скривил губы, шрам на лице дернулся.

— Если к осенней ярмарке вы попробуете его и оно вам понравится, вы простите тот старый долг в две тысячи ливров, который мой отец был должен лично вам. И подарите мне пресс, которым я буду пользоваться.

— А если оно окажется уксусом? — перебил он, делая шаг ко мне. — Что тогда? У вас нет денег, чтобы заплатить штраф. Поместье заложено Грюму, оно вам уже не принадлежит. Чем вы будете платить, Изабелла?

Я набрала в грудь воздуха. Сердце колотилось где-то в горле, но отступать было некуда. Это был ва-банк.

— Если мое вино вам не понравится, Ваша Светлость... Я вернусь в этот замок. Не как гостья. Как служанка. Я буду стирать ваше белье, мыть полы и чистить сапоги до конца своих дней. Последняя из рода Валуа станет вашей собственностью, бесправной прислугой. Разве не об этом вы мечтали — увидеть, как наша семья ползает перед вами в грязи?

Себастьян замер. Я видела, как расширился зрачок его единственного здорового глаза. Это было искушение, которому он не мог противостоять. Сладкая, абсолютная месть,

которая сама шла к нему в руки.

— Вы ставите свою свободу против кучи дров? — тихо, почти шепотом спросил он. — Вы понимаете, что я не джентльмен? Я не буду жалеть вас. Вы узнаете, что такое настоящий труд.

— Я не проиграю, — я выдержала его тяжелый взгляд, не моргнув.

— Хорошо. — Он резко ударил тростью об пол, и звук прозвучал как выстрел. — Договорились. Забирайте свой хлам. Прессом пользуйтесь, но только здесь, на хозяйственном дворе, под присмотром моих людей.

Он навис надо мной, как черная скала.

— Но помните, Изабелла. Я буду ждать осени с нетерпением. Я уже вижу, как вы стоите на коленях, оттирая камень этого пола.

— В ноябре вы будете стоять на этом месте с бокалом и просить добавки, — бросила я. Колени дрожали, но голос оставался ледяным.

Я присела в коротком, безупречном реверансе и развернулась к выходу. Спина горела под его тяжелым взглядом, пока я шла к дверям.

Только оказавшись в телеге, рядом с бледным от ужаса Жаком, я позволила себе выдохнуть и обессиленно прислониться к борту.

— Поехали, Жак. Гони.

Глава 6

Обратная дорога заняла меньше времени — Жак гнал лошадь так, словно за нами гнались демоны ада, а не воспоминания о взгляде Герцога. Когда мы въехали во двор «Солнечного склона», солнце стояло в зените. Жара была плотной, осязаемой.

Я спрыгнула с телеги, чувствуя, как ткань платья липнет к спине.

— Распрягай, Жак. И не вздумай отдыхать. У нас есть полдня, чтобы спасти урожай.

— С чего начнем, госпожа? — конюх смотрел на меня уже без прежнего скепсиса, но с опаской. Моя наглость в замке Герцога произвела на него впечатление.

— С лечения.

Я нашла Марту на кухне. Она как раз перебирала мешочки с травами.

— Марта, купила ли ты серу, как я велела?

— Да, Госпожа, — женщина махнула головой в сторону стопки холщовых мешочков.

— Молодец, неси всё за мной.

Мы вышли в виноградник. Лозы выглядели жалко: листья скрутились, покрытые белесым налетом, похожим на плесень. Оидиум пожирал мой будущий «Гран Крю».

— Слушайте внимательно, — я вручила Жаку и глухова-

тому Пьеру мешочки, набитые желтым порошком. — Это не колдовство, это лекарство. Вы идете вдоль ряда и трясете этим мешком над каждым кустом. Пыль должна покрыть листья.

— Воняет, госпожа, — скривился Жак, нюхнув мешок. — Тухлыми яйцами.

— Пусть воняет. Грибок этого боится. Вперед! И старайтесь не дышать глубоко.

Я сама взяла третий мешок и пошла в соседний ряд. Работа была адской. Пыль летела в глаза, оседала на коже, забивалась в нос. Мое темно-синее платье мгновенно покрылось желтым налетом, подол цеплялся за сухие ветки и колючки. Но я не останавливалась. Каждый обработанный куст — это шанс. Шанс получить здоровый виноград, а не гниль.

Через два часа мы закончили. Виноградник стоял в желтоватом тумане, а мы трое выглядели как черти, вылезшие из серного котла.

— А теперь — в подвал, — скомандовала я, отряхиваясь.

— Госпожа, побойтесь Бога, отдохните! — взмолилась Марта, вынося нам ковш с водой.

— Отдохнем зимой. Жак, за мной.

В погребе было прохладно, но вонь кислого вина сразу ударила в голову. — Нам нужно освободить тару, — сказала я, освещая факелом ряды бочек. — Те, что сгнили — на дрова. Те, что целые — на помывку.

— А вино куда? — Жак постучал по пузатому боку бочки.

— Тут же литров двести. Вылить?

— Ни в коем случае. — Я подошла к бочке. — Это наша валюта. Мы сольем всё это «добро» в тот большой чан для стирки, из которого будем делать перегонный куб. Смешивай всё: и то, что совсем скисло, и то, что еще бродит. Для перегонки на спирт этот коктейль подойдет.

Следующие три часа мы занимались самой грязной работой в мире виноделия. Мы выкатывали тяжелые бочки во двор. Переливали бурую, мутную жижу в огромный медный бак, который Марта с ужасом пожертвовала из прачечной. А затем мыли.

— Кипяток! — командовала я. — Больше кипятка!

Я, закатав рукава платья по локоть (кружева уже превратились в грязные тряпки), скребла внутренности бочек жесткой щеткой на длинной палке.

— Видишь этот налет? — тыкала я щеткой в красный камень на стенках. — Это винный камень. Под ним живут бактерии. Если мы их не убьем, они превратят в уксус и вино Герцога. Драить до чистого дерева!

К закату двор напоминал поле битвы. Повсюду лужи окрашенной воды, запах серы смешивался с запахом уксуса, а посреди этого хаоса стояли пять идеально вымытых, перевернутых вверх дном бочек.

— Окурить серой, — прохрипела я, вытирая пот со лба грязной рукой. — Жак, зажги фитили и опусти внутрь. Пусть дым убьет всё, что мы не смогли отскрести.

Я села прямо на ступени крыльца. Ноги гудели, спина не разгибалась. Платье... Мое приличное синее платье было безнадежно испорчено: пятна вина, грязь, дырка на подоле от гвоздя.

— Госпожа... — Марта вышла на крыльцо и всплеснула руками. — На кого вы похожи! Трубочист чище выглядит!

— Зато бочки чистые, — я улыбнулась, и, наверное, улыбка на чумазом лице выглядела жутковато. — Марта, грей воду. Я хочу смыть этот день.

Час спустя, распаренная и чистая, я сидела в своей комнате при свете свечи. Тело ныло, требуя мягкой перины, но мозг лихорадочно работал. Я посмотрела на испорченное платье, валявшееся в углу. Потом перевела взгляд на тяжелые бархатные портьеры на окне. Темно-коричневые, плотные, неубиваемые.

— Прости, папа, — прошептала я. — Но твои шторы послужат делу лучше, чем украшению.

Я взяла ножницы. Вжик. Тяжелая ткань с мягким шелестом упала на пол. Я разложила её на ковре. Взяла кусок мыла (мела не было) и начала рисовать контуры.

В дверь робко постучали.

— Госпожа, ужин... — Марта заглянула внутрь и застыла с подносом в руках. — Пресвятая Дева! Вы режете гардины?! Это же лионский бархат!

— Это мои будущие штаны, Марта, — ответила я, не отрываясь от работы. — В юбке я сегодня чуть не упала в чан

с уксусом. Больше я так рисковать не буду.

— Но леди не носят штаны!

— Эта леди носит. Ставь ужин и принеси мне прочные нитки. Самые прочные, какие есть. Цыганскую иглу я видела в шкатулке.

Я шила до глубокой ночи. Исколола пальцы, ругалась сквозь зубы, когда нитка путалась, но к рассвету работа была закончена. Передо мной лежали брюки. Не те уродливые мешки конюха, а сшитые по моей фигуре: с высокой талией, широким поясом, чтобы не давил, и зауженными штанинами, которые легко заправить в сапоги. Из остатков я скроила жилетку с множеством карманов — для записной книжки, карандаша и прочих мелочей.

Я примерила обновку. Бархат был мягким, но плотным. Движения не сковывал. Я присела, наклонилась, сделала выпад — идеально. В зеркале отражалась странная фигура: тонкая девичья талия, перетянутая кушаком, темные брюки и белая рубашка с закатанными рукавами. Я выглядела не как аристократка. Я выглядела как мастер. Как технолог.

Я задула свечу. Завтра меня ждёт тяжёлый день в этой новой жизни.

Глава 7

Утро началось с тишины, которую разорвал вопль Агаты. Я как раз спускалась по лестнице, на ходу застегивая пуговицы на жилетке. Мои новые брюки из портьерного бархата мягко шуршали при ходьбе. Никаких юбок, путающихся в ногах, никакого корсета, впивающегося в рёбра.

Агата, несшая кувшин с водой, застыла в дверях кухни. Кувшин опасно накренился.

— Чур меня! — выдохнула она, крестясь свободной рукой. — Госпожа Изабелла? Или это… бес в её обличье? В мужском платье!

— Это не мужское платье, Агата, — спокойно ответила я, забирая у неё кувшин, пока она его не уронила. — Это униформа. Мы вступаем в бой за урожай, а воевать в кринолине неудобно. Завтрак готов?

Завтрак был спартанским: черствый хлеб и вода. Молоко, как обычно, скисло, а сыра не было. Я пожевала сухую корку, глядя на тоскливые лица слуг. Им было страшно. Хозяйка сошла с ума, надела штаны, еды нет, денег нет.

— Не вешать нос, — сказала я, вставая. — Сегодня у нас будет нормальный ужин. Агата, не выливай скисшее молоко. Собери всё, что есть. Вечером мы будем делать «тянутый сыр».

— Тянутый? — кухарка посмотрела на меня как на ума-

лишенную. — Сыр прессуют под камнем, госпожа. Если его тянуть, он порвется.

— Увидишь.

Жак уже ждал во дворе с телегой. Увидев меня в штанах, он лишь крякнул и отвел глаза, но я заметила одобрение. Ему явно не хотелось возиться с подолом моих юбок каждый раз, когда я лезу на телегу.

— К кузнецу Герцога, Жак. И захвати уголь. Мне придется рисовать.

Кузница располагалась на окраине владений Герцога, у реки. Огромный навес, запах гари, звон металла. Кузнец, бородатый великан по имени Бертран (Имя мне подсказал Жак), встретил нас хмуро. Герцог предупредил его о нашем визите, но энтузиазма это ему не прибавило.

— Ну и чего вам, мадемуазель? — буркнул он, вытирая руки о закопченный фартук. — Подковы менять?

— Нет, Бертран. Мне нужен шлем.

— Рыцарский? — хохотнул он.

— Для котла. Проще говоря мне нужен аппарат для «вываривания духа».

— Алхимия, что ли? — он нахмурился. — Герцог не велел...

— Это не алхимия, это механика, — твердо перебила я. — Смотри сюда.

Я развернула на верстаке лист грубой бумаги и достала уголек. Я рисовала быстро, уверенными штрихами, как при-

выкла делать на совещаниях.

— У нас есть медный чан, в котором будет кипеть вино. Мне нужна для него особая крышка. Не плоская, Бертран. Мне нужен купол, похожий на шлем или луковицу собора. Он должен накрывать чан герметично, чтобы ни одна струйка пара не ушла вбок. Весь пар должен собираться в самой верхней точке этого купола.

Я нарисовала пузатый шлем поверх котла. Кузнец наклонился ближе, его профессиональный интерес проснулся.

— А из этой верхней точки, — продолжила я, ведя линию. — Должна выходить медная трубка. Она должна идти сначала вверх, а потом плавно изгибаться вниз, как шея лебедя.

— Зачем вверх-то? — буркнул Бертран. — Пусть сразу вниз течет.

— Нельзя, — терпеливо объяснила я. — Пар, который поднимется первым, будет грязным, тяжелым. Если трубка пойдет сразу вниз, эта грязь попадет в наш напиток. А если трубка идет вверх, тяжелый пар ударится о медь, остынет и стечет обратно в котел. А самый легкий, чистый «дух» вина поднимется выше, перевалит через изгиб «лебединой шеи» и пойдет дальше.

Бертран почесал бороду, разглядывая «шею».

— Хитро. Ловушка для пара, значит. А дальше что?

— А дальше — самое главное. Змеевик.

Я нарисовала бочку, а внутри неё — длинную трубку, скрученную в тугую спираль. — «Лебединая шея» перехо-

дит в эту спираль. Мы опустим её в бочку с ледяной колодезной водой.

— Зачем?

— Чтобы остудить пыл, — усмехнулась я. — Горячий пар побежит по этой длинной холодной трубке. От холода он снова превратится в жидкость. И в конце, из нижнего кончика трубки, нам в ведро будет капать чистейший огненный напиток. Понял принцип?

Кузнец оторвался от рисунка и посмотрел на меня с уважением.

— Понял. Нагреть, собрать пар в купол, прогнать через «шею», остудить в воде. Башковито придумано, мадемуазель. Только вот... — он ткнул толстым пальцем в спираль. — Трубку сплющит, если так круто гнуть. Она же полая внутри, заломается на сгибе, и пар не пройдет.

— А ты набей её сухим песком перед тем, как гнуть, — подсказала я. — Плотно набей и заткни концы. Песок не даст меди сложиться, и трубка останется круглой внутри.

Глаза кузнеца округлились. Он явно знал этот секрет, но услышать его от барышни в кружевах (хоть и бывших) было для него шоком.

— А вы откуда знаете такие тонкости, мадемуазель? Батюшка ваш молоток в руках сроду не держал.

— Читал много старых книг, — соврала я, не моргнув глазом. — Сделаешь? Мне нужно к завтрашнему вечеру.

— К вечеру? — он снова нахмурился, возвращаясь к ре-

альности. — Тут работы на три дня, не меньше. Медь гнуть — не подкову ковать.

— Бертран, — я положила руку на холодную наковальню и посмотрела ему в глаза. — Если ты сделаешь это к завтрашнему вечеру, я пришлю тебе первую бутылку того, что потечет из этой трубки. Это будет крепче самого злого спирта и ароматнее лучшего вина.

Глаза кузнеца блеснули. Он был не дурак выпить.

— Ладно. Песок, говорите... Будет вам «лебедь» с куполом. К завтрашнему закату.

Вернувшись домой, я сразу направилась на кухню. Дел везде было вагон и маленькая тележка и честно говоря, иногда было сложно определиться за что браться в первую очередь.

На кухне я застала Агату с сомнением смотревшую на кастрюлю со скисшим молоком.

— Оно уже створожилось, госпожа. Обычно мы такое свиньям...

— Забудь про свиней. Греем. Я сунула палец в молоко. Чуть теплое. Надо нагреть сильнее, градусов до 35-40, как для ванны младенца.

Термометра в этом мире увы не было, поэтому пришлось довериться чувствительности кожи.

— Вливай сычуг, — скомандовала я, подошедшей Марте, когда температура показалась мне подходящей. Марта плеснула в кастрюлю мутноватый рассол, настоянный на теля-

чьем желудке.

— А теперь ждем. — деловито сказала я, внимательно наблюдая за происходящим в кастрюле.

Через полчаса молоко превратилось в плотное желе — калье. Я взяла длинный нож и нарезала этот сгусток на кубики прямо в кастрюле, чтобы отделилась сыворотка.

— Греем еще, — сказала я. — До горяча. Но не кипятить!

Слуги смотрели на меня завороженно, как на алхимика. Когда сыворотка стала горячей, я опустила руку в кастрюлю (горячо, черт, градусов 60!) и выловила слипшийся ком сырной массы.

Началась магия. Я начала вымешивать тесто. Сначала оно рвалось, было комковатым. Но горячая вода делала свое дело. Сыр начал плавиться. Я потянула массу вверх. Она растянулась в длинную, блестящую ленту, похожую на расплавленное стекло.

— Ох... — выдохнула Марта.

Я складывала ленту, растягивала снова, насыщая сыр воздухом, делая его волокнистым. Структура менялась на глазах. Из зернистого творога рождалась гладкая, эластичная моцарелла. Я оторвала кусок, скатала шарик и бросила его в миску с холодной соленой водой. Повторила. Еще раз. И еще. Через десять минут в миске плавали белые, глянцевые шарики.

— Пробуйте, — я протянула один шарик Агате.

Кухарка недоверчиво откусила. Замерла. Её глаза округ-

лились.

— Нежное... — прошептала она. — Как сливки. И не кислое совсем. Упругое, на зубах скрипит, а внутри — молоко.

— Это моцарелла, Агата. И завтра мы отвезем первую партию в таверну. Если они не купят это к вину, они идиоты.

Я взяла кусок черствого хлеба, положила на него ломтик сыра. Посыпала сухим базиликом, который висел пучками под потолком. Откусила. Вкус был простым, деревенским, но божественным.

Я сидела на грубой лавке, в штанах, сшитых из штор, с желтоватыми от серы руками, и ела сыр, который сама сварила в 18 веке. Что может быть более нереальным?

— Завтра, Жак, — сказала я с набитым ртом, подошедшему конюху. — Ты заберешь аламбик. Послезавтра мы начнем гнать спирт. А пока... Агата, есть еще молоко?

— Есть, госпожа! — гаркнула кухарка, хватаясь за ведра. — Я сейчас вечернюю дойку принесу! Варите еще, госпожа! Такое и Герцогу на стол не стыдно!

Я усмехнулась. Герцогу? О да. Он еще узнает вкус моего сыра. Но цена для него будет особой.

Глава 8

Утро началось не с петухов, а с тишины. Странной, ватной тишины, в которой мысли звучали оглушительно громко.

Я лежала, уставившись в потрескавшуюся лепнину на потолке, и боялась моргнуть. Вдруг моргну — и снова увижу белый пластик больничной палаты? Или, того хуже, свою одинокую квартиру в Москве, где на столе лежит заявление на развод, а в соцсетях мелькают фото Макса с презентации украденного вина?

Я подняла руку. Тонкое запястье, длинные пальцы, на которых уже начали появляться, но еще не огрубели, следы недавней работы с серой. Это не мои руки. Но теперь они — моё единственное оружие.

«Почему?» — этот вопрос крутился в голове, как заезженная пластинка. Почему я? Почему сюда? Смерть под завалом в погребе аббатства Сен-Виктор была мгновенной. Я помню только вспышку. А потом — этот зной, запах лаванды и тело Изабеллы. Может, Вселенная так извращенно исполнила мою мечту? Я ведь грезила о своей винодельне. Я хотела доказать Максу, что я не просто «лаборант с пробиркой», а создатель.

— Ну что ж, доказала, — прошептала я в пустоту. — Получи, Лена. Вот тебе виноградник, вот тебе шато. Правда, шато разваливается, виноград умирает, а твой "партнер" по

бизнесу — дьявол с тростью.

Хочу ли я назад? К кондиционерам, интернету и горячей воде? Безумно. Но хочу ли я вернуться к той себе? К женщине, которую предали, унизили и списали со счетов? Здесь, в этом грязном, пахнущем навозом и историей восемнадцатом веке, я чувствовала себя… живой. Впервые за годы. Здесь от моих решений зависело всё. Не от совета директоров, не от маркетингового плана, а от меня.

— К черту рефлексию, — я резко села на кровати, отбрасывая одеяло. — Мысли о высоком не оплатят векселя Грюма.

Я оделась быстро — мои бархатные штаны уже стали привычной второй кожей —и направилась вниз. Желудок требовал еды, а план требовал действий.

У подножия лестницы я замерла. Из кухни, дверь в которую была приоткрыта, доносились приглушенные голоса.

— …говорю тебе, Агата, не к добру это, — шептала Марта. Голос у неё дрожал. — Ты посмотри на глаза её. Были — как небо, поволокой подернутые, блаженные. А сейчас? Сталь!

— И то правда, — отозвалась Агата, гремя посудой. — Изабелла наша, голубушка, тяжелее кисти для рисования в руках сроду ничего не держала. А эта? Бочки драила, как заправский матрос! Откуда знания-то? Откуда сила в руках? Будто бес в неё вселился.

— Тсс! — шикнула Марта. — Я вот что вспомнила. Пом-

нишь, лет пять назад в городе, у портнихи мадам Жюли, дочка зимой на льду поскользнулась? Головой сильно ударилась, три дня в горячке лежала. — Ну? — Так очнулась — сама не своя! Начала по-латыни шпарить, хотя грамоте не училась. Люди болтали — подменили её. И случилось то аккурат в полнолуние.

Марта понизила голос до зловещего шепота:

— А наша-то, Изабелла, тоже в аккурат после полнолуния упала. Как Грюм приехал, так она и рухнула. Может, душу её ангелы забрали, а тело… того? Дьявол занял?

У меня по спине пробежал холодок. Народный фольклор — страшная сила. Если слухи о «одержимости» выйдут за пределы кухни и дойдут до местного кюре, меня могут ждать проблемы посерьезнее долгов. Костер инквизиции, конечно, вряд ли, век уже просвещенный, но вот сумасшедший дом — вполне.

— Да будет вам языками чесать, старые перечницы! — раздался басистый голос Жака. — Бес, подменыш… Скажете тоже. Просто жизнь прижала. Когда тебе говорят, что через три месяца ты пойдешь по миру, тут не только бочки мыть начнешь — летать научишься. Хозяйка просто ум взяла в руки. Батюшка помер, надеяться не на кого. Вот она и повзрослела. Разом.

«Спасибо, Жак», — мысленно поблагодарила я конюха. — «Ты заслужил премию. Когда у нас появятся деньги».

Я громко топнула ногой по ступеньке и распахнула дверь

кухни. Разговоры мгновенно смолкли. Агата уронила половник, Марта вжалась в угол, крестясь украдкой.

— Доброе утро, — громко и четко произнесла я, проходя к столу. — Слышу, вы тут мою биографию обсуждаете?

Слуги молчали, потупив взор.

— Так вот, чтобы не было никаких «бесов» и «полнолуний», — я обвела их жестким взглядом. — Запомните раз и навсегда. Я годами молчала. Я читала книги в библиотеке отца, пока вы думали, что я рисую цветочки. Я изучала химию, агрономию и механику. Я знала, что этот день настанет, потому что видела, как отец ведет дела. И теперь, когда мы на краю пропасти, я просто перестала притворяться кисейной барышней. Вам понятно?

— Да, госпожа… Понятно, — пролепетала Марта. — Вы уж простите нас, дур старых…

— Бог простит. А мне нужно не прощение, а работа. Агата, где сыр?

— В погребе, в рассоле, как велели, — кухарка засуетилась. — Остыл, крепкий стал.

— Отлично. — Я потерла руки. — Доставайте маленькие кадки, те, что для масла. Выкладывайте моцареллу слоями, сверху листья винограда положите, для красоты. Мы едем делать бизнес. Жак, запрягай!

Через час мы уже тряслись в телеге по дороге к городу. В ногах у меня стояли три небольшие кадушки с белоснежными шариками сыра, прикрытыми влажной тканью. Я нерв-

ничала. Одно дело — командовать слугами, которые знают тебя с пеленок. Другое — выйти на реальный рынок с неизвестным продуктом и под фамилией, которая здесь является синонимом мошенничества.

— Куда мы едем, госпожа? — спросил Жак, правя лошадью.

— В лучшую таверну города. Где собираются те, у кого есть деньги на вино, а не только на эль. Как она называется?

— «Золотой Фазан», — ответил Жак. — Там хозяин, мэтр Буше… крутой мужик. К нему дворяне заезжают. И сам мэр обедает. Только…

— Что?

— Не любит он ваш род, госпожа. Ох, не любит. Батюшка ему тоже денег должен остался за карточный долг.

— Прекрасно, — я усмехнулась, хотя внутри все сжалось. — Значит, начнем с самого сложного. Если я смогу продать сыр врагу, я смогу продать его кому угодно.

Город встретил нас шумом, запахами нечистот и жареного мяса. «Золотой Фазан» выглядел внушительно: двухэтажное здание из добротного камня, с широкими окнами и вывеской, на которой красовалась жирная позолоченная птица.

— Жди здесь, — скомандовала я Жаку, спрыгивая с телеги. Я взяла одну из кадушек — тяжелую, влажную — и поправила воротник рубашки. Мои штаны вызывали косые взгляды прохожих, но я шла с такой уверенностью, будто это последний писк парижской моды.

Я толкнула тяжелую дверь. Внутри было прохладно и сумрачно. Пахло чесноком, розмарином и старым деревом. Народу было немного — время еще раннее, до обеда далеко. За массивной дубовой стойкой протирал стаканы грузный мужчина с лысиной, блестевшей в свете ламп, и густыми усами, похожими на щетку для обуви.

Я подошла к стойке и с грохотом поставила кадку перед ним. Мужчина медленно поднял глаза. Его взгляд скользнул по моим штанам, по лицу и остановился на моих глазах. Узнавание сменилось презрительной гримасой.

— Валуа, — выплюнул он эту фамилию, как косточку. — Я думал, у вас хватит совести не появляться в моем заведении. Или ты пришла отработать долг папаши на кухне? Посудомойки мне нужны, но я не беру воровок.

— Я пришла не просить, мэтр Буше, — спокойно ответила я, глядя ему в глаза. — Я пришла предложить вам сделку, которая сделает вашу таверну единственным местом в провинции, где подают это.

— Это? — он пренебрежительно кивнул на кадку. — Что там? Очередные крапленые карты? Или прокисшее молоко от ваших тощих коров?

— Открой, — я кивнула на крышку. — И попробуй. Если скажешь, что это дрянь — я уйду и больше никогда не переступлю этот порог. А долг отца… — я сделала паузу, — я выплачу его с первой прибыли.

Буше хмыкнул, вытирая руки о полотенце. В его глазах

читался скепсис, смешанный с любопытством. Он, не торопясь, протянул руку к крышке кадки.

— Ну давай глянем, чем нынче торгуют банкроты.

Глава 9

Мэтр Буше, снял крышку с кадки так, словно ожидал, что оттуда выпрыгнет ядовитая змея. Внутри, в мутноватом рассоле, плавали белые глянцевые шарики. Он брезгливо потыкал один из них толстым пальцем.

— Это что еще за яйца? — буркнул он. — Вареные?

— Это не яйца, мэтр. Это «Формаджио ди Латте», — я намеренно использовала итальянский манер, чтобы придать товару загадочности. — Нежнейший молодой сыр. Моцарелла.

— Моца… чего? — он нахмурился. — Звучит как название болезни.

— Звучит как название деликатеса, который подают к столу короля Неаполя, — соврала я, не моргнув глазом. — Дайте мне нож и кусок вашего лучшего хлеба. И, если есть, немного сушёного базилика.

Буше, все еще глядя на меня с подозрением, кивнул служанке. Та принесла доску, нож и ломоть свежего каравая. В таверне повисла тишина. Посетители — пара торговцев и несколько солдат — с интересом наблюдали за представлением. «Дочь графа-банкрота в штанах пытается продать что-то съедобное». Шоу, достойное аншлага.

Я достала один шарик. Он был упругим, влажным и пах свежими сливками. Одним движением я разрезала его. На

срезе выступила «молочная слеза». Положила ломтик на хлеб. Сверху немного базилика. — Пробуйте, — я подвинула доску к нему.

Буше медлил. Он явно боролся с желанием вышвырнуть меня и любопытством чревоугодия. Наконец, любопытство победило. Он взял хлеб и отправил в рот.

Я считала про себя секунды. Один. Он жует, лицо напряженное, ждет подвоха (кислоты, горечи). Два. Напряжение уходит. Брови ползут вверх. Три. Он сглатывает и смотрит на оставшийся в кадке сыр уже совсем другим взглядом. Взглядом хищника.

— Хм, — выдавил он. — Не кисло.

— Не кисло? — я усмехнулась. — Мэтр, это вкус чистого молока. Сливочный, мягкий. Он тает во рту. Представьте, как это пойдет под ваше белое вино? Или с помидорами — *черт, помидоры уже завезли в Европу? Вроде да, но они еще диковинка… ладно, не рискуем.* — или просто с зеленью и чесноком?

— Текстура… необычная, — пробормотал он, беря еще один кусочек уже без приглашения. — Упругая, но мягкая. Как девичья грудь, прости Господи.

По залу прошел смешок. Я пропустила сальность мимо ушей. Главное — он на крючке.

— Сколько? — спросил он, вытирая усы. — За все три кадки.

— Пятьдесят ливров, — назвала я цену, взятую с потолка,

но звучащую солидно.

Буше поперхнулся и расхохотался. Его живот трясся под грязным фартуком.

— Пятьдесят? За ведро творога? Ты в своем уме, девка? Твой папаша был плутом, но ты его переплюнула! Я дам тебе десять. И то — из жалости к твоему убогому виду.

— Десять — это цена дров, которые пошли на нагрев молока, — холодно парировала я. — Этот сыр варится по сложной технологии. Он свежий. Его сделали сегодня утром. Я начала закрывать крышку кадки. — Если вам не нужно эксклюзивное блюдо, я поеду к мэру. Говорят, его жена любит удивлять гостей. Думаю, она оценит новинку.

Это был блеф. К мэру меня бы и на порог не пустили. Но упоминание конкуренции всегда работает безотказно.

— Стоять! — рявкнул Буше, хлопнув ладонью по стойке. — К мэру она собралась… Ишь ты, прыткая. Он прищурился. — Двадцать ливров. И мы в расчете за… скажем, десятую часть долга твоего отца.

— Нет, — отрезала я. — Мухи отдельно, котлеты отдельно. Долг отца — это старая история, и мы обсудим ее, когда я встану на ноги. А сейчас мы говорим о покупке товара. Мне нужны деньги. Наличные. Прямо сейчас.

— Ты смеешь ставить мне условия? В моей таверне? — он навис надо мной.

— Я смею предлагать вам выгоду, — я выдержала его взгляд, не отступив ни на шаг. — Вы купите это за тридцать.

Продадите гостям порциями — заработаете сто. Вы умный человек, мэтр Буше. Вы не упустите прибыль из-за старых обид.

Он смотрел на меня, сопя как паровоз. В его голове скрипели шестеренки калькулятора. Жадность боролась с гордостью. Жадность победила.

— Двадцать пять, — буркнул он. — И ты привозишь мне еще, если пойдет.

— Тридцать, — улыбнулась я. — И я обещаю, что первую неделю буду поставлять только вам. Эксклюзив. Весь город будет знать, что «Моцарелла» есть только в «Золотом Фазане».

Эксклюзив — волшебное слово. Буше крякнул, но полез в кошель на поясе. Он отсчитал монеты — тяжелые, серебряные — и с грохотом высыпал их на стойку.

— Тридцать. Забирай. Но если хоть один клиент пожалуется, что у него живот скрутило — я тебя лично в этой кадке утоплю.

— Не пожалуется. Приятного аппетита, мэтр.

Я сгребла монеты в карман жилетки. Их тяжесть была приятнее любого комплимента. Это была не просто валюта. Это была моя первая победа. Мое первое доказательство, что я существую в этом мире не как жертва.

Я развернулась и пошла к выходу. Жак, заглядывавший в дверь, смотрел на меня как на святую, сотворившую чудо.

— Жак, грузи пустые кадки, — бросила я ему на ходу. —

И поехали.

— Куда, госпожа? Домой?

— Нет. На рынок. Нам нужно купить мясо, муку и… — я похлопала по звенящему карману, — нормальную еду. Сегодня у нас будет пир. А завтра… завтра мы начнем гнать спирт.

Когда мы отъехали от таверны, Жак, не выдержав, спросил:

— Госпожа… Вы что, правда ведьму в себе носите? Буше удавится за медную монету, а вы с него тридцать серебряных стрясли!

— Это не магия, Жак, — я подставила лицо ветру, чувствуя невероятную легкость. — Это маркетинг. И хороший продукт. Но главное — это только начало.

Глава 10

Тот вечер в «Солнечном склоне» запомнили надолго. Впервые за полгода из кухни пахло не пустой капустной похлебкой, а жареным мясом и свежим хлебом. Агата, раскрасневшаяся и счастливая, колдовала у очага, нарезая купленную на рынке говядину крупными ломтями.

Мы сидели за длинным деревянным столом — я, Марта, Жак, Пьер и Агата. Сословные границы стерлись. Сегодня мы были не госпожой и слугами, а командой пиратского корабля, который захватил первую добычу.

Я мысленно подвела баланс, пока Агата разливала похлебку. Из тридцати серебряных ливров, которые я с боем выбила из Буше, мы потратили на рынке десять. Цены кусались. Хорошая говядина стоила как крыло самолета (четыре ливра за кусок!), белая мука и оливковое масло тоже были удовольствием не для бедных. В итоге в моей шкатулке лежало двадцать ливров. Это была хорошая сумма — хватит на пару недель сытой жизни, но не более. Деньги в этом мире таяли так же быстро, как и в моем.

— За хозяйку! — гаркнул Жак, поднимая кружку с разбавленным вином (тем самым, скисшим, но с сахаром оно шло лучше). — Ей-богу, когда вы этому Буше цену назвали, я думал, он вас этой кадкой пришибет. А он заплатил! Тридцать монет за сыр!

— Это потому что я продала ему не еду, Жак, а престиж, — я отломила кусок хлеба, макая его в драгоценный мясной сок. — Но сыр — это мелочь. Завтра у нас второй этап. Самый важный. Завтра мы будем добывать огонь из воды.

Слуги переглянулись, но уже без прежнего ужаса. Сыр они видели, деньги видели, мясо ели. Теперь они верили, что я могу добыть хоть луну с неба.

На рассвете двор превратился в химическую лабораторию. Жак привез от кузнеца заказ — тяжелый, блестящий на солнце медный шлем и змеевик. Бертран постарался на славу: шлем идеально сел на горловину нашего старого стирального бака. Мы замазали щели тестом (глины под рукой не было, а тесто — отличный герметик, старый дедовский способ).

— Ну, с Богом, — перекрестилась Марта, глядя на эту конструкцию, похожую на пузатого медного идола.

Мы залили в бак первую партию адской смеси — скисшее вино, остатки бродившего сусла, всё, что нашли в подвале. Жак развел огонь. Я ходила вокруг «аламбика», проверяя температуру трубки рукой.

— Главное — не перегреть, — бормотала я себе под нос. — Спирт кипит при 78 градусах. Вода — при 100. Нам нужно удержать температуру посередине, чтобы спирт полетел, а вода и сивуха остались.

— Чего вы шепчете, госпожа? — опасливо спросил Пьер. — Заклинание?

— Физику, Пьер. Физику.

Через сорок минут трубка — та самая «лебединая шея» — стала горячей. Послышалось характерное шипение внутри.

— Жак, воду! — крикнула я.

Жак начал подливать ледяную колодезную воду в бочку, где прятался змеевик.

И вот оно случилось. Из носика змеевика в подставленную стеклянную банку упала первая капля. Прозрачная, как роса. Потом вторая. Третья. Побежала тонкая, неуверенная струйка.

По двору поплыл запах. Резкий, бьющий в ноздри, но чистый. Запах эфира, ацетона и лака. Жак, стоявший рядом с кружкой, дернулся было подставить её под струю.

— Стоять! — я ударила его по руке. — Ты что, ослепнуть хочешь?

— Так это... Самое крепкое пошло!

— Самое ядовитое, — отрезала я. — Это «головы», Жак. Метиловый спирт, ацетон, эфиры. Выпьешь это — и поминай как звали. Печень откажет, глаза лопнут. Это мы собираем отдельно.

Я нацедила примерно пол-литра этой адской жидкости в отдельную бутыль. Запах стал мягче. Ушла резкость, появилась хлебная, виноградная нотка.

— А вот теперь, — я сменила банку на чистую, — пошло «сердце». Тело напитка.

Струйка стала увереннее. Я сунула палец под струю, лизнула. Обожгло язык, но приятно. Градусов семьдесят, не меньше. Чистый виноградный дистиллят. Бренди. Чача. Граппа. Называть можно как угодно, но это было золото.

— Ну-ка, — я набрала немного в ложку и поднесла зажженную лучину. Жидкость вспыхнула ровным синим пламенем. Слуги ахнули.

— Огненная вода... — прошептала Марта. — Истинный огонь.

— Это, друзья мои, наши чистые бочки, — сказала я, глядя на пламя. — Этим спиртом мы вымоем всю плесень, всю заразу, что живет в дереве. Ни один грибок не выживет. А то, что останется — разбавим водой, настоим в дубе, и через год это будет стоить сундук золота.

К вечеру мы перегнали почти всё скисшее вино. У нас было три ведра отличного спирта и бутыль ядовитых «голов» для технических нужд. Я валилась с ног от усталости. Лицо закоптилось, руки пахли брагой, но я была счастлива.

Я сидела на крыльце, глядя на закат. Впервые за эти дни я чувствовала, что контролирую ситуацию. У меня есть деньги от сыра. У меня есть спирт для дезинфекции. У меня есть команда, которая смотрит на меня с обожанием.

В ворота постучали. Не громко, властно, как Грюм, а вежливо, но настойчиво. Жак пошел открывать. Во двор въехал всадник. В ливрее цветов герцога де Монмирая.

Сердце пропустило удар.

Всадник спрыгнул с коня и подошел ко мне. Он держал в руках небольшой свиток, скрепленный сургучной печатью.

— Мадемуазель де Валуа? — спросил он, с трудом скрывая удивление при виде моих штанов.

— Она самая.

— Послание от Его Светлости.

Он вручил мне свиток, козырнул и вскочил в седло. Я сломала печать. Пальцы дрожали. Развернула плотную бумагу. Почерк был резким, острым, летящим.

«Мадемуазель, Мой управляющий доложил, что в таверне "Золотой Фазан" подают нечто, что вы называете сыром, и что это "нечто" вызывает ажиотаж. Я не привык доверять слухам, но я привык доверять своему вкусу. Если вы не боитесь, пришлите образец в замок. P.S. Кузнец Бертран передал, что вы обещали ему "огненную воду" за работу. Он ждет. Я тоже жду. Удивите меня. Себастьян де Монмирай»

Я опустила письмо и рассмеялась.

— Жак! — крикнула я. — Готовь лучшую бутылку! Мы отправляем посылку «Чудовищу».

Глава 11

Если ты хочешь продать что-то дорого, это должно выглядеть дорого. Это первое правило, которое я уяснила, работая винзаводе. И в восемнадцатом веке оно работало так же безотказно.

Я стояла перед кухонным столом, критически осматривая наши «дары». Моцарелла была безупречна — белые, глянцевые шарики. Но отправить её Герцогу в глиняной миске? Нет, это моветон. Я послала Марту в сад за свежими листьями винограда. Мы выстелили ими небольшую плетеную корзинку, уложили сыр, переложив его веточками базилика и розмарина. Теперь это выглядело не как еда крестьян, а как натюрморт голландского мастера.

Сложнее было со спиртом. Наливать «Огненную воду» в мутную бутыль из-под уксуса было преступлением. Я перерыла буфет в гостиной. Среди осколков былого величия (разбитых сервизов и щербатых чашек) я нашла его — хрустальный графин. Пыльный, но целый, с тяжелой притертой пробкой. Агата отмыла его до скрипа. Когда я перелила в него прозрачный, как родниковая вода, дистиллят, жидкость заиграла на солнце.

— Выглядит как вода, — с сомнением протянул Жак.

— Внешность обманчива, — я плотно закрыла пробку и запечатала горлышко воском свечи, поставив оттиск перст-

ня отца (единственного, что не продали, потому что он был медным). — Это жидкий огонь.

Я села писать записку. Бумага была желтоватой, чернила — выцветшими, но мой почерк был твердым.

«Ваша Светлость,

Направляю обещанную плату мастеру Бертрану — "Слезу Дракона". Предупредите его, что этот напиток требует уважения: пить малыми глотками и не подносить к открытому огню. Для Вас — "Формаджио ди Латте" (Моцарелла). Рекомендую подавать с томатами, если они есть в Ваших оранжереях, или просто со свежим хлебом и зеленью. С уважением, Изабелла де Валуа»

— Жак, — я вручила корзину и графин конюху. — Вези. Отдай лично в руки дворецкому. И, ради Бога, не разбей. Это наш билет в будущее.

Когда телега скрылась за поворотом, я выдохнула. Теперь от меня ничего не зависело. Оставалось только ждать.

Чтобы не сойти с ума от ожидания, я пошла в виноградник. Прошло три дня с тех пор, как мы устроили здесь «серный ад». Пора было проверить результаты.

Пьер плелся за мной, опираясь на мотыгу. Я подошла к контрольному кусту — тому самому, что был покрыт белым налетом гуще всего. Сердце замерло. Белая «мука» исчезла. Вместо неё на листьях остались сероватые пятна — ожоги от грибка, шрамы, но сама живая ткань листа больше не была скована болезнью. Я перевернула лист. Чисто. Споры сгоре-

ли. Я тронула гроздь. Ягоды, конечно, пострадали — некоторые сморщились и опали, но большинство наливались соком.

— Живой... — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Пьер, смотри! Мы остановили его! Старик подслеповато прищурился, потрогал лист шершавым пальцем. — И правда... Отсохла нечисть. Ай да госпожа! Ай да голова! Я уж думал, корчевать придется.

— Корчевать не будем. Но расслабляться рано. — Я выпрямилась, оглядывая ряды. —Теперь нужна «зеленая операция». Видишь, как густо растут листья? Они закрывают ягоды от солнца. Грибок любит тень и сырость. Я отщипнула пару лишних побегов и листьев вокруг грозди. — Нам нужно оборвать всё лишнее. Солнце должно целовать каждую ягоду.

Мы работали до обеда. Я учила Пьера и Марту (которую тоже выгнала в поле) правильно пасынковать лозу. Руки привычно ныли, ногти были черными от земли, но это была приятная усталость.

Жак вернулся ближе к вечеру. Я услышала стук копыт и выбежала на крыльцо, забыв вытереть руки. Конюх выглядел странно. Он был бледен, но глаза горели шальным огнем. Он спрыгнул с телеги и бережно, как святыню, достал из-за пазухи небольшой мешочек и письмо.

— Ну? — не выдержала я. — Живой? Не спустил собак?

— Ух, госпожа... — выдохнул Жак, утирая лоб. — Страху

натерпелся! Вышел сам Герцог. Я думал — всё, конец мне. Взял графин, посмотрел на свет. Открыл пробку, понюхал.

— И что?

— Бровь поднял. Налил в кубок, совсем на донышко. Выпил. Замолчал так надолго, что я уж молитву читать начал. А потом как гаркнет: «Бертрану это не давать! Жирно будет кузнецу такой нектар пить!».

Я невольно улыбнулась. Оценил.

— А сыр?

— Сыр он тут же разломил. Съел кусок. И знаете что? Он велел дворецкому принести мне обед! Меня, конюха, кормили на кухне замка! А потом дал вот это.

Жак протянул мне мешочек и письмо. Мешочек был тяжелым. Я развязала шнурок. Внутри лежали монеты. Золотые. Пять золотых луидоров. Это было целое состояние. Это было больше, чем мы заработали на рынке за месяц вперед.

Я развернула письмо.

«Изабелла, Ваша "Слеза" опасна. Она слишком легко пьется для своей крепости. Это оружие, а не напиток. Я конфискую партию для личных нужд. Сыр сносен. Мой повар утверждает, что ничего подобного не видел. Я приказываю вам поставлять в замок две корзины еженедельно. Оплата — по рыночной цене плюс надбавка за молчание (я не хочу, чтобы этот сыр ели мои гости где-то еще). В мешке — аванс за сыр и плата за конфискованный спирт. P.S. Кузнец Бертран получил бочонок обычного вина. Ваш пресс

ждет. Можете присылать людей, когда начнется сбор. Себастьян»

Я сжала письмо в руке.

— Сносен, — фыркнула я. — "Сносен" — это высшая похвала от этого сухаря.

— Пять золотых... — прошептала подошедшая Агата, глядя в мешок. — Госпожа, да мы богаты!

— Нет, Агата, — я спрятала деньги. — Мы не богаты. Мы просто получили передышку. Эти деньги пойдут на зарплату рабочим на сбор урожая. Мы не сможем собрать всё. Нам нужны наемники.

Я посмотрела на закатное солнце, заливающее выздоравливающий виноградник. Первый раунд остался за мной. Я получила доступ к оборудованию, я нашла деньги и я спасла лозы. Но впереди был сентябрь. Главная битва. Битва за Вино.

И я знала, что Грюм так просто не отступит. Пять золотых — это капля в море его долга в пятьсот ливров.

— Жак, — скомандовала я. — Завтра едешь в деревню. Ищи крепких мужиков. Скажи, плачу честно, кормлю сытно. Нам нужно готовиться к Венданжу.

Глава 12

Успех опьяняет сильнее, чем спирт. Пять золотых монет от Герцога и стабильный доход от сыра (Буше брал уже по четыре кадки) могли вскружить голову кому угодно. Слуги ходили окрыленные, Агата даже начала напевать на кухне. Но я чувствовала тревогу.

Я сидела в кабинете отца, перебирая старые счета. Хаос в бумагах был такой же, как и в голове графа Валуа. Но среди векселей и долговых расписок я искала не цифры. Я искала систему.

— Жак! — крикнула я в открытое окно. — Запрягай. Мы едем в город.

— Опять к Буше, госпожа?

— Нет. Сегодня мы поедем в места попроще. Мне нужно увидеть, чем дышит народ. И чем его поят.

— Жак, — спросила я, когда мы выехали на тракт. — Скажи мне, где пьют простые люди? Солдаты, грузчики, крестьяне? Не в «Золотом Фазане» же?

— Куда им, — хмыкнул конюх. — У Буше цены кусаются. Простой люд ходит в кабаки Грюма.

— Грюма? — я встрепенулась. — У нашего кредитора есть свои кабаки?

— А то! Почти все забегаловки в округе под ним. «Кривой Рог» у рынка, «Бочка» у пристани, да еще штук пять по

тракту. Он там такое вино льет — с ног валит с одной кружки. Дешевое, как грязь. Мужики после получки туда толпой идут.

Пазл в моей голове начал складываться.

— Вези меня в «Кривой Рог», — скомандовала я.

— Госпожа! — Жак чуть вожжи не выронил. — Это ж клоака! Там драки каждый день, вонь, блохи. Негоже благородной даме…

— Вези. Я буду сидеть в углу, а ты будешь моим телохранителем. Мне нужно увидеть это своими глазами.

«Кривой Рог» оправдывал свое название. Покосившееся здание у рынка выглядело так, будто его жевали, а потом выплюнули. Из открытых дверей несло кислятиной, перегаром и немытыми телами. Я натянула капюшон пониже и шагнула внутрь. Жак шел следом, сжимая кулаки и озираясь, как волк.

Внутри было темно и шумно. За липкими столами сидели работяги. Кто-то спал лицом в салате (если это месиво можно было так назвать), кто-то орал песни. Я села в самый темный угол.

— Жак, возьми мне кружку того, что они пьют. Самого ходового.

Конюх поморщился, но пошел к стойке. Вернулся через минуту с оловянной кружкой, полной мутной красноватой жидкости.

— Вот, госпожа. «Народное». Два су за кружку.

Я поднесла кружку к носу. Запах ударил, как кувалда. Уксус, гниль, плесень… и что-то сладковато-химическое. Бузина? Нет, хуже. Я сделала крошечный глоток и тут же сплюнула на пол. Это было не вино. Это была смесь скисшего виноградного жмыха, воды, дешевого спирта и какой-то красильной дряни для цвета. Вкус маскировали сахаром или патокой, чтобы перебить кислоту.

— «Коктейль Молотова» для печени, — прошептала я. — Жак, это пьют все?

— Все, у кого в кармане меньше ливра, — кивнул он. — Дешево и сердито. Грюм возит это бочками откуда-то с юга, с равнины. Там виноград растет как трава, кислый, водянистый. Он его тут бодяжит и продает.

Я смотрела на пьяные лица вокруг. Эти люди пили отраву, потому что другого выбора у них не было. Грюм не просто ростовщик. Он построил империю на спаивании бедняков суррогатом.

— Посмотри на них, — тихо сказала я. — Он держит цены на дне. Ему не нужно качество. Ему нужен объем.

Тут за соседним столом начался разговор, который заставил меня замереть.

Двое подвыпивших торговцев обсуждали дела. — …слыхал? Грюм опять купил землю у вдовы Леблан. За долги забрал.

— И что, будет виноград сажать?

— Ага, держи карман шире! Вырубил он там все старые

лозы. Сказал — мороки много, а выхлопа мало. Посадит «Арамон» — он растет быстро, ягоды с кулак, воды много. Будет гнать своё пойло рекой. Ему ж не вкус нужен, а чтоб по башке било.

У меня похолодело внутри. «Арамон» — сорт, дающий огромные урожаи, но вино из него плоское, водянистое. Сорт для масс-маркета. Грюм уничтожал качественные виноградники, уникальные терруары, чтобы превратить их в фабрики по производству дешевого суррогата.

Вот почему он вцепился в «Солнечный склон». Мое поместье находится на холме. Здесь уникальная почва — известняк и глина. Здесь растут старые лозы, дающие сложный, богатый вкус. Но Грюму это не нужно. Ему плевать на букет и танины. Ему нужна земля. Он вырубит мои лозы. Он уничтожит Гренаш и Сиру, которым по пятьдесят лет. И засадит всё своим сорняком, чтобы заливать «Кривой Рог» еще большим количеством дешевой дряни.

А еще… Я посмотрела на свою кружку с мутью. Если я выйду на рынок с хорошим, недорогим вином (а мое молодое вино будет именно таким), я стану для него угрозой. Не просто должником, а конкурентом. Я покажу людям, что за те же деньги можно пить вино, а не помои. Он не может этого допустить. Ему не нужно сравнение. Ему нужна монополия на вкус.

— Жак, поехали отсюда, — я резко встала. — Я увидела достаточно.

На обратном пути я молчала. Мозг работал лихорадочно, выстраивая схему. Раньше я думала, что Грюм просто хочет вернуть свои деньги с процентами. Я ошибалась. Это война идеологий. Война «Макдональдса» против мишленовского ресторана, только в реалиях 18 века. Он хочет не денег. Он хочет уничтожить культуру виноделия, заменив её индустрией опьянения.

— Жак, — нарушила я тишину. — А Грюм сам пьет свое вино?

— Скажете тоже! — фыркнул Жак. — У него в доме погреб отдельный. Он туда вина из Бургундии выписывает. Дорогущие. Сам-то он гурман, говорят.

— Гурман, значит… — я зло усмехнулась. — Циничный ублюдок. Сам пьет нектар, а народ кормит помоями. И еще хочет мои лозы под топор пустить.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Макс в моем мире украл мою идею ради прибыли. Грюм в этом мире хочет украсть мою землю ради уничтожения качества. Ну уж нет.

— Жак, гони быстрее. Нам нужно работать.

— Госпожа, вы что-то придумали?

— Я поняла, кто наш враг, Жак. Он не просто ростовщик. Он — убийца вина. И он боится нас.

— Боится? Нас? — Жак удивленно обернулся. — Нищих с тремя бочками?

— Именно. Потому что у нас есть то, чего он купить не

может. Качество. Он знает, что если люди попробуют настоящее вино по доступной цене, его империя мочи и уксуса рухнет. Он будет мешать нам, Жак. Он будет вредить. Не из-за долга. А из страха конкуренции.

Мы въехали в ворота поместья уже в сумерках. Я посмотрела на свои лозы, темнеющие на склоне. Они казались мне живыми существами, приговоренными к казни, о которой они даже не подозревают.

— Я не дам вас в обиду, — прошептала я. — Ни тебя, «Солнечный склон», ни вас, мои старые лозы. Грюм подавится своим пойлом.

В этот момент я поняла: я буду биться не за наследство Изабеллы. Я буду биться за профессиональную честь. За право делать Вино, а не «винный напиток». И это делало меня опаснее любого рыцаря с мечом.

Глава 13

Утро началось обманчиво спокойно. Мы с Жаком и Пьером занимались чеканкой — обрезали верхушки лоз, чтобы остановить их рост и направить все силы растения в ягоды. Работа была медитативной: чик-чик ножницами, шаг, чик-чик. Солнце грело спину, виноградник шелестел на ветру, и на секунду мне показалось, что я просто в отпуске, в агротуристическом туре.

Идиллию нарушил стук колес. Тяжелый, дорогой стук рессорной кареты, а не скрип телеги. Я выпрямилась, вытирая пот со лба. К воротам «Солнечного склона» подъезжал черный лакированный экипаж. На дверце красовался не герб, а витиеватая монограмма «Г». Грюм.

В прошлый раз он присылал приказчика. Теперь явился сам. Это значило одно: ставки выросли.

— Жак, — тихо позвала я. — Бросай ножницы. И встань у крыльца. Просто стой и смотри недобро.

— Будет сделано, госпожа. Я еще и вилы возьму, так, для починки забора.

Я вышла навстречу гостю, не снимая рабочего фартука и не пытаясь привести себя в порядок. Я хотела, чтобы он видел: я работаю. Я здесь хозяйка, а не испуганная должница.

Дверца кареты открылась. Сначала показалась трость с золотым набалдашником, потом лакированный сапог, и, нако-

нец, вылез сам месье Грюм. Он был именно таким, каким я его запомнила в первый день, только камзол был богаче — темно-бордовый бархат, кружевное жабо. Лицо его лоснилось от жары и самодовольства.

— Мадемуазель Изабелла! — он раскинул руки, словно хотел меня обнять. Голос был приторно-сладким, как дешевый сироп. — Какая встреча! Трудитесь, аки пчелка? Похвально, похвально. Труд облагораживает.

— Зачем вы приехали, Грюм? — спросила я, не подавая руки. — До срока уплаты еще два месяца.

— О, полно вам о деньгах! — он махнул пухлой рукой. — Неужели старый друг вашего отца не может просто навестить сироту? Узнать, как здоровье? Слышал, вы сыром занялись?

Он подошел ближе, щурясь на мои лозы. — Говорят, в «Золотом Фазане» ваш сыр идет на ура. Даже сам Мэр, слышал, нахваливал. И еще болтают… — он понизил голос, и в глазках его блеснул недобрый огонек, — что вы с Герцогом де Монмираем задружились. Посылочки ему шлете. Огненную воду какую-то…

«Вот оно», — подумала я. — «Его не сыр волнует. Его волнует Герцог и спирт».

— Я просто плачу по счетам, Грюм. Своим трудом.

— И это прекрасно! — он улыбнулся, обнажая желтоватые зубы. — Знаете, Изабелла, я ведь человек деловой. Я вижу талант. Вы, оказывается, не просто белоручка, у вас есть хватка. И у меня возникла мысль… зачем нам враждовать?

Он подошел ко мне почти вплотную. От него пахло дорогими духами, которые не могли перебить запах застарелого пота.

— Я предлагаю вам партнерство.

Я удивленно вскинула бровь.

— Партнерство? Вы хотите простить мне долг?

— Ну зачем же так радикально? — хохотнул он. — Нет. Я предлагаю сделку. Я вижу, вы умеете делать… интересные вещи. Сыр, спирт. У вас есть технологии, так? Но у вас нет масштаба. Нет рынка сбыта. А у меня — десятки таверн. Склады. Логистика.

Он обвел рукой горизонт. — Давайте объединим усилия. Вы отдаете мне «Солнечный склон» сейчас. Добровольно. Я списываю долг. Но! Я оставляю вас здесь управляющей. Вы будете делать свой сыр, гнать свой спирт, но только для моих таверн. Я дам вам людей, дам оборудование. Мы зальем этим спиртом всю провинцию! Представьте — «Водка от Изабеллы» в каждом кабаке!

Я смотрела на него и видела не человека, а удава, который уговаривает кролика залезть ему в пасть. Он предлагал мне стать частью его машины по производству пойла. Делать качественный продукт, который он разбодяжит, наклеит свою этикетку и продаст втридорога беднякам. Он хотел купить мой мозг, мои руки и мою репутацию, чтобы укрепить свою монополию.

— А виноградник? — тихо спросила я. — Что будет с

лозами?

— О, эти старые коряги? — он пренебрежительно пнул ком земли. — Мы их выкорчуем. Зачем нам этот капризный хлам? Посадим «Арамон». Он дает в пять раз больше сока. Сделаем вино для народа — простое, крепкое, дешевое. Вам же нравится химия, мадемуазель? Вот и будете химичить на меня. Хорошее жалование, крыша над головой. И никаких долгов. Ну, что скажете?

Я вспомнила лица людей в «Кривом Роге». Вспомнила вкус той розовой жижи в кружке. Он предлагал мне стать соучастницей убийства виноделия. Он предлагал мне предать всё, во что я верила.

— Выкорчевать Гренаш, которому пятьдесят лет? — переспросила я, чувствуя, как дрожит голос. — Чтобы посадить сорняк для производства пойла?

— Это бизнес, милое дитя, — он перестал улыбаться. — Эффективность. Никому не нужны ваши «букеты» и «послевкусия». Людям нужно напиться и забыться. Я даю им это. И предлагаю вам долю.

Я сделала шаг назад. — Убирайтесь.

Грюм моргнул. — Что?

— Убирайтесь с моей земли, Грюм. Я никогда не буду работать на вас. Я никогда не позволю вам уничтожить эти лозы. И я никогда не стану частью вашей империи отравы.

Лицо ростовщика налилось кровью. Маска доброго дядюшки слетела мгновенно.

— Ты смеешь мне отказывать? Дрянь! Ты хоть понимаешь, в каком ты положении? Через два месяца я вышвырну тебя отсюда пинком! Ты будешь ползать в ногах, умоляя взять тебя посудомойкой!

— Через два месяца, Грюм, — я говорила тихо, но четко, — у меня будет вино. Настоящее вино. И когда люди его попробуют, они перестанут пить ваши помои. Я не просто отдам вам долг. Я заберу ваших клиентов. Я стану вашим кошмаром.

Он задохнулся от ярости.

— Ты… Ты мне угрожаешь? Мне?! — Он замахнулся тростью.

— Жак! — крикнула я.

Из-за угла дома вышел Жак с вилами наперевес. Спокойный, мрачный, огромный. Он встал рядом со мной.

— У госпожи дела, месье, — пробасил он. — Не задерживайте.

Грюм опустил трость. Он посмотрел на вилы, на меня, на свои лакированные туфли, покрывшиеся пылью.

— Хорошо, — прошипел он. — Хорошо, Изабелла. Ты сама выбрала войну. Не жди пощады. Я уничтожу тебя. Я перекрою тебе кислород. Никто не купит у тебя ни фунта сыра. Никто не придет собирать твой урожай. Ты сгниешь здесь вместе со своим принципиальным виноградом.

Он резко развернулся и полез в карету.

— Трогай! — взвизгнул он кучеру.

Карета рванула с места, подняв облако пыли. Я стояла и смотрела ей вслед, пока она не скрылась. Колени у меня дрожали, но на душе было удивительно легко. Теперь всё встало на свои места. Маски сброшены. Это больше не долговой спор. Это война за право делать качественный продукт.

— Жак, — сказала я, не оборачиваясь. — Готовься. Теперь он начнет пакостить по-крупному.

— Пусть только сунется, — сплюнул Жак. — Вилы у меня острые.

Я посмотрела на небо. Оно было чистым, но я знала — шторм идет. И не только природный.

Глава 14

Утро нового дня началось с запаха свежей моцареллы. Мы с Агатой уложили в корзины пять кадок сыра — мэтр Буше, который в прошлый раз взял четыре, требовал всё больше, и я решила привезти с запасом.

— Пятьдесят серебряных ливров, — прикидывала я в уме, поправляя холстину на корзинах. — Этого хватит, чтобы нанять бригаду даже по завышенным ценам.

Город встретил нас непривычной тишиной. Обычно на рыночной площади стоял гул, но сегодня, стоило нашей телеге въехать на брусчатку, разговоры стихали. Люди отворачивались. Торговка рыбой, у которой мы вчера брали карпа, вдруг резко занялась перекладыванием корзин. Булочник захлопнул ставни.

— Что это с ними? — буркнул Жак, нервно озираясь. — Будто чумных увидели.

— Не обращай внимания, — я старалась держать спину прямо. — Собаки лают, караван идет. Правь к «Золотому Фазану».

Мы остановились у таверны. Я, как обычно, взяла кадку и толкнула ногой дверь. Внутри было пусто. Мэтр Буше стоял за стойкой, протирая стакан. Увидев меня, он побледнел, а потом его лицо пошло красными пятнами.

— Доброе утро, мэтр! — я поставила тяжелую кадку на

стойку. — Привезла пять штук, еще свежее прежнего…

— Убирай, — тихо сказал он, не поднимая глаз.

— Простите? — я не поняла.

— Убирай это! — рявкнул он, швырнув тряпку на пол. — Вон отсюда! И сыр свой забери!

Я замерла.

— Мэтр Буше, мы же договорились. У нас контракт на словах. Вы сами сказали…

— Я сказал — вон! — Он перегнулся через стойку, и я увидела в его глазах неподдельный страх. — Ты что, девка, смерти моей хочешь? Грюм приходил. Вчера вечером. Сказал, если я куплю у тебя хоть крошку, он отзовет мой вексель. Потребует вернуть долг за ремонт крыши. Сегодня же! У меня нет таких денег, Изабелла! Он пустит меня по миру!

— Но вы же теряете прибыль! — попыталась я воззвать к его жадности. — Мой сыр приносит вам золото!

— Золото не стоит виселицы! — он оттолкнул кадку так, что она едва не упала. — Он сказал, что сожжет таверну, если увидит здесь товар Валуа. Прости, девочка… Но своя шкура дороже. Уходи. Не губи.

Я посмотрела на него. Большой, сильный мужчина, хозяин лучшего заведения в городе, трясся, как осиновый лист. Грюм не шутил. Он перекрыл кислород.

Я молча взяла кадку и вышла. На улице Жак уже спорил с кузнецом, у которого мы хотели заказать новые обручи для бочек.

— Нету железа! — орал кузнец, пряча глаза. — Кончилось! И для вас больше не будет! Проваливайте!

Жак подошел ко мне, сжимая кулаки.

— Госпожа… Они ничего не продают. И ничего не покупают. Аптекарь дверь не открыл, хотя в окне торчал. Староста рабочих сказал, что ни один мужик на наши поля не выйдет, даже за двойную цену. Грюм пригрозил, что любой, кто поможет Валуа, лишится дома.

Я села на телегу. Корзины с сыром, который еще час назад казался деньгами, теперь были просто едой, которая скиснет через два дня.

— Значит, блокада, — процедила я сквозь зубы. — Он решил взять нас измором.

Мы ехали обратно в гробовом молчании. Спина горела от взглядов. Я чувствовала себя прокаженной. Изоляция. Самое страшное оружие в маленьком обществе. Тебя вроде не убивают, но ты перестаешь существовать. Тебе не продадут хлеб, не починят колесо, не пожмут руку.

— И что теперь? — спросил Жак, когда мы выехали за городские ворота. Голос его дрожал. — У нас сыра на сто монет. Куда его? Свиньям?

— Нет, — я зло посмотрела на корзины. — Грюм может запугать трактирщика. Он может купить кузнеца. Но есть в этом краю двери, которые он не может запереть.

— Это какие же?

— Замок, — я кивнула в сторону далеких башен, видне-

ющихся над лесом. — Герцог де Монмирай плевать хотел на угрозы ростовщика. Он сам закон в этих землях.

— Но Герцог берет всего две корзины, — возразил Жак. — А у нас пять. И еще виноград зреет. Кто его собирать будет?

— Я не знаю, Жак! — сорвалась я. — Я не знаю!

Лошадь испуганно дернула ушами. Я выдохнула, заставляя себя успокоиться. Паника — это именно то, чего ждет Грюм.

— Прости. Я придумаю. Мы что-нибудь придумаем.

Вернувшись в поместье, мы разгрузили никому не нужный сыр в погреб. Агата плакала, глядя на свой труд. Марта молча крестилась. Атмосфера была похоронной.

— Хватит ныть! — я хлопнула ладонью по столу. — Сыр не пропадет. Засолим крепче, будет сулугуни, он хранится месяцами. Мы будем есть его сами. Нам нужны силы.

— Силы на что, госпожа? — тихо спросил Пьер. — Виноград-то поспел. Я сегодня пробовал — сладкий, аж губы слипаются. Осы уже полетели. Собирать надо. А нас трое калек да две бабы.

Я подошла к окну. Небо на западе, которое еще утром было чистым, затягивала серая пелена. Воздух стал тяжелым, влажным. Листья на деревьях замерли, словно в ожидании удара. Приметы не врали.

— Грядет шторм, — прошептала я.

Грюм выбрал идеальный момент. Он знал прогноз. Он

знал, что я останусь одна перед лицом стихии. Без денег. Без людей. Без сбыта.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Впервые за все это время мне стало по-настоящему страшно. Не азартно, не зло, а именно страшно. Это был мат в три хода.

1.Блокада ресурсов.

2.Блокада сбыта.

3.Удар стихии.

— Жак, — мой голос звучал глухо. — Готовь корзины. Все, что есть. И бочки.

— Но госпожа, кто собирать-то будет?

— Мы, — я повернулась к ним. — Я, ты, Агата, Марта. Пьер будет на сортировке, ему ходить тяжело.

— Да мы же не успеем! — всплеснула руками Агата. — Там гектары! До дождя не управимся!

— Значит, соберем то, что успеем. Лучшие участки. Старые лозы. Остальное… — голос прервался. — Остальное отдадим природе. Но я не сдамся без боя.

Я вышла на крыльцо. Ветер усилился, принеся запах озона и пыли. Где-то вдалеке глухо проворчал гром. Время вышло.

— Ну давай, — прошептала я, глядя на надвигающуюся тьму. — Испытай меня.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.